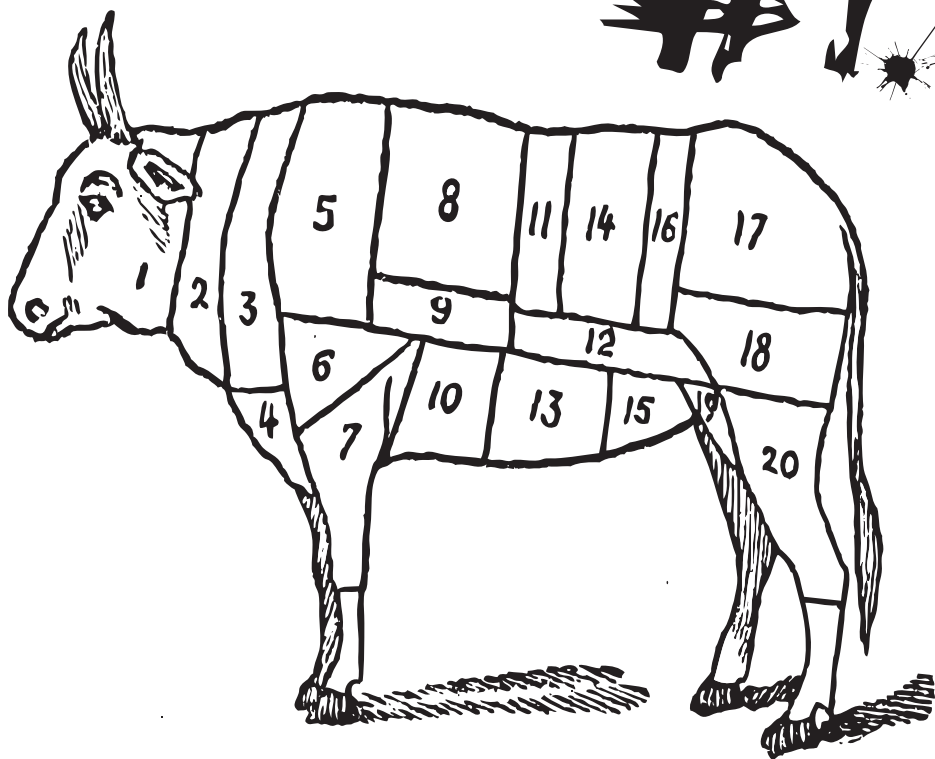

литературно - публицистическое что-то

РАРЬ

#1

Я Алла. *Главный реактор. Умберто Эко когда-то сказал: "Я написал роман потому, что мне этого захотелось". Примерно то же я могу сказать и о создании "Фарша". Наши желания, наконец, совпали с возможностями, с чем поздравляем себя и вас.*

А я Маша. *Головний реактор. Любі друзі, це наш подарунок для вас. Найкращий подарунок той, що зроблений своїми руками. Тож ми ліпили і виліпили. З радістю презентуємо вам творіння наших рук.*

А я Юля. *Главный реактор. Сеанс катания на центрифуге – две минуты, а кайфа – часа на три. На последнем обороте мы зависли. Движение прекратилось. Родилась идея. День факультета совпал с Днем Рождения издания, которое пока еще не появилось на раскладках СВ-прессы и не распространяется по рассылке. Дайте время.*

А я Макс. *Главный реактор. Многие творческие (и не только) люди осенью впадают в депрессию. Мы же вместо этого решили заняться полезным делом. Результат перед вами. Приятного времяпровождения.*

А я Аня. *Главный реактор. Буду немногословна. Мы очень старались сделать что-нибудь свежее, креативное... Это наш первый "ребенок". Роды прошли легко и безболезненно, посему ждите продолжения, то есть новых выпусков "Фарша". Надеюсь, при прочтении вы получите массу впечатлений. Плохих или хороших – неважно. Главное, не оставайтесь равнодушными!*

А я Леша. *Главный реактор. Самое главное, думаю, то, что это издание вышло. И вышло, по-моему, неплохо. Говорить что-то еще не стоит. Читайте!*

А я Оля. *Главный реактор. Поздравляю господ! Мы еще немного выросли. И если до “Фарша” мы, можно сказать, были “рукописными”, то теперь, как это не дерзко, стали “гутенбергами”. Надеюсь, что открывать будем не только мы, но и нас.*

А я Влад. *Главный реактор. Наверное не очень красиво выглядит то, что в номере опубликованы сугубо реакторские произведения. Просто мы не хотели говорить об издании до его презентации (да и после нее особо болтать не будем), а материал нужен был. Поэтому мы решили далеко не ходить и сделали все своими руками: сам “Фарш” и его содержимое. Но будущее издания будет зависеть, в большей степени, именно от вас. Нам нужны авторы потому, что мы существуем ради авторов. Мы будем рады сотрудничеству, свежим идеям, мнениям и предложениям. Пишите нам на электронную почту (адрес на последней странице), или обращайтесь к любому из главных реакторов (найти их вы можете в группе ЗЖ-04). До встечи!.. надеюсь. Любите себя.*

А я Женя. *Главный реактор. Как говорил Капоне: “Ад, должно быть, весьма клевое местечко, коли малые, что придумали религию, уж очень старались, чтобы туда никто, кроме них, не попал.”. Работая над “Фаршем” я побывал где-то рядом с адом. Может я и извращенец, но мне понравилось. Надеюсь и вам понравится продукт нашего адского труда, недоспанных еды и недоеденных ночей.*

Have a nice day.

А я Лера. *Головний реактор. Відсутність єдиної ідеї та будь-якої цензури безпосередньо і є нашою концепцією. Ми не називаємо це ані журналом, ані альманахом, ані літературним часописом. Просто ФАРШ. В той же час не бажаємо, щоб ви думали, ніби ми претендуємо на створення нового типу видання. Мінімум самозакоханості та претензійності. Максимум різнокольорових думок. Приймайте.*

Атмосфера

ЕЩЕ 4

Мне сжаться в точку никогда не сложно,
Мне разорваться на планеты - просто,
Мои глаза на ветре в лед промерзший
светила атмосферы превращают злостно.
И силой неба я питаюсь ежедневно,
Ты жизнь мою глотаешь, атмосфера,
Мне бирюза холодная так сокровенно
Дает струю для силы быть столь верной.
Зеница ока твоего прошита тесной атмосферой,
Простой невинностью зияет глубина,
Ты колешь горестью в мечты, которые смешались с верой,
Что кончится когда-то пустота...

Смерторадость

Во мне сегодня наконец-то умер человек,
разделав мозг на микрометры сожаления.
Отравой стала его жизнь-похлебка,
Застряла в горле на отведенный ей век.

Он был так бесконечно пошл и нелеп,
так глупо видел свет в кромешной тьме,
так неохотно пил густую желчь.
Ему давно бы просто смерть и склеп.

Оскомина его - вонючее болото,
Для нас, собак, пенатов лучше не найти.
Мы рыщем, лижем языками стопы,
А он барахтался, выплевывая рвоту.

Скатился вниз по Карла Маркса -
Надел ботинки скользкие, разбег...
Рывок бегущей диаграммы
Жизнь, сука, цвета черной ваксы.

Impromptu*

Між вами, люде, вже не пахне новизною –
До вас вже хтось і дихав, і вмирав.
Що? Ви даєте планеті нового покрою?
Та ні. Таке вбрання до вас ще дехто зодягав.
Ви замикаєте свої однокімнатні келії,
І гризете цю ватну диво-паляницю,
Гортаєте листи “позаформатного” Коельо
І думаєте, що створили міцну крицю.
Чого ви хочете? Комфарту?
Зробіть ще швидшими фаст-фуди!
Ні...Зупиніться. Ну! Impromptu.
Над нами синь сіяє люди.

* експромт (англ.)

Оля НЕГОДОВА

Побічні ефекти Сансари

Людина питає: чому я жорстока і зла.
Агов, чоловіче, чи ти мене не впізнав?
Це я, схаменись, що тисячу років тому
здіймала повстання,
вмирала,
лягала в труну.
Це я забивала цвяхи на Ньюму,
До речі з тобою,
що одягав вінок із терну.
Це я пила каву із Фройдом в кафе,
Це я прибирала кути туалетів,
Це мене спалили п'ять тисяч разів,
та били ногами на площі Ту Лів.
Я в грудні з коханням у грудях
бігла за ним,
по коліям, шпалам,
тягнула пальто та шарфи.
Я – Білка, нещасна дитина небес,
хотіла гуляти, чекав мене пес.

Я муза Петрарки,
Шекспіра коханка,
арабська рабиня,
Джон Ленон,
Графиня,
Остання шльондра,
Я – дрянь,
Я – аорта гріхів і найщиріших поступків,
я вічна,
я нескінченна,
тягнусь від гріхопадіння.
Я різна, я різна,
щодня, щожиття,
і моя пісня анітрохи не зла.
Це роки, побічні ефекти Сансари!
Людина, якщо в українському паспорті мені
дев'ятнадцять,
то це ще нічого, нічого не значить.
І це не кінець.

Тотальная поэтизация трамвайных линий часть третья

Вечерними пулями тащит домой,
Я плачу сегодня, я плачу.
Я позволяю себе раскваситься
на глазах у кондуктора,
у агента матрицы.
Поджимаю ноги, не желаю домой,
поглаживаю папиросницу,
я представляю себе, что дом мой пустой,
отчетливо мне виднеется.
Но это мечты, мой дом – огурец,
набитый, перенаполненный
долгами, бумагами...

По телевизору снова певец,
рокзвездовый, джинсообтянутый,
он стар, он устал –
судьбоносный торец?
Трамвайный лишенец, скорее.
Он еще сексуален, а я уже нет
вся в помаде и пудре измазана.
Агент матрицы зол, выгоняет во двор,
«Я уйду, - говорю – в волосах и в дыму,
только жаль, что вы непонятливы».
Не кондукторский клан,
натуральный обман,
лишь простая банальная матрица.

Да здравствует XXI век!

Кисломолочный мозг упал в стакан.
На улице стоит проржавевший капкан.
Небо голубиной убило троих,
Птица упала, не видит крыльев своих.
А за углом четвертого дома умер старик,
Актер неудавшийся с горя съел свой парик.
А в детском садике дети сожрали крысу.
Танкер с беженцами утонул, не доплыл до мыса.
Во всей округе посдыхали сверчки.
Дядя, что в телевизоре, на жопу надел очки.
Возможно, он думает, что будет умнее теперь.
В морг положили дрова и заперли дверь.
Я аккуратно волосы причесал в носу.
Голодный грибник сдурел, заблудился в лесу.
Солнышко больше не светит в окно.
Да здравствует XXI век!
Да здравствует Homo Sapiens – разумный человек!

Голуби или депрессивная зима

Тысячи бумажных голубей взлетели в небо, а я наблюдал это с высоты их птичьего полета. Мелкая дробь пробила их голубиные – мои бумажные крылья. Вендетта, кровная. Кто-то за что-то отмстил этим мерзким белым птицам. А я? – А я – случайность. Глупая и нелепая.

«С неба падает снег» - подумал мой сосед по палате. А белые хлопья не были снегом. Всего лишь навсего остатки бумажных голубей. Я остался один. Один единственный и неповторимый. Причем не потому, что я исключение, просто девочка, которая сделала 2000 и 6 бумажных голубей умерла от рака. Я единственный, кто остался – последний 2006-й... А «первый снег» был кровавым, но об этом знал только я. А дальше не будет ничего. Нет милой, беззаботной девочки Кати, за свои 17 она успела сделать ровно 2006. Последняя зима. С новым последним годом.

ЕШЬ 6

Человек без лица

Человек без лица сидел на трубе и играл на скрипке. Они плакали вместе – старая поцарапанная плакала скрипка и человек без лица. Шел дождь. С трубы срывались большие жирные ржавые капли, и от этого скрипка плакала еще больше, ведь стоило ей намочнуть, и она переставала звучать. Человек без лица тоже плакал, ему было жалко скрипку, но он не мог иначе. Безликому человеку куда было идти, да и не мог он идти, не было у него ног. Он понимал безвыходность положения и именно поэтому просто сидел на трубе под дождем и играл на мокрой скрипке.

А утром люди вышли на улицу. Был теплый солнечный весенний день. А на старой трубе, на скрипичных струнах, связанных между собой, безногий человек без лица повесился...

Осеннее

Простыней накрыли
Красные зрачки.
Время в форме краба,
Дуры, дурачки.
Парты, корты, нарты,
Провалитесь зря!
Рвались раны, рифмы
В ритме октября.

МАКСИМ БРЕЙТЕР

Фарш

ЕЩЕ

8

Затерто засаленное, пропахшее мясом пальто
Одето поверх накрахмаленной рубашки,
В нем прячется вымытое лицо с мелкими глазками
Идиотских вопросительных знаков
Неверно в сочинении расставленных
На клетках листов, где кексы лежали
И томилась ожиданием умереть в красной глотке.
Беспечно, мечтательно – инфантильные!..
Плавать в желудочном соке,
Вырываться наружу позывами рвоты,
Дальше жрать – больше, больше, отвратнее!
Не забывать об обильном питье
В виде прокисших компотов из прошлого,
А на десерт купюры и платина в шоколадной глазури.
Сдохнуть, лопнуть, разорваться на части,
Но проглотить все в погоне за вкусами,
И поглощая быть твердо уверенным – найдутся и те,
Кто подарят прощенье.

Ужин над пропастью

Холодная жареная рыба на разбитом блюде.
Отрыжка луком и яйцами всмятку.
Лаает псина злая, наверно бультерьер.
- Что ж ты никак не остановишься?
- Ей нельзя оставаться в одиночестве.
Звезды считанные холодные...
- Ну хватит!.. Хватит писать!
Изжога.
- Съешь соды чайную ложечку и успокойся.
Трясешься, как чернокожий в ритуальном танце.
Зачем это?
«Недописано...» - нам ответят чуть позже.
- Не убивай себя.
- Спокойной ночи...

Извращение на тему...

О! Раньше были вы другим:
Пили шампанское, закатом любовались...
Пришли на смену холодные котлеты
И спирт из аптечки бабушки.

Аня Белоконь

Синдром утраченого – як двоє лічили роки.
Синдром забутого – як все відбулось навпаки.
Вичерпався, втратив змогу,
Виринав
З істеричних чужих голосінь,
А п'ятий збирався в дорогу,
І чулось за плачем – “Аміль”

Короткий вірш

Як пролетіть усміх крізь долоні
Моєю (твоєю, нашою?) музикою,
Коло скроні
Бринітиме струною
Щось навдивовижу лагідне –
Холодні постріли,
Сонати Моцарта...
І так,
Словами зайвими,
Ломбардним золотом
Сипались вечори.
Ми спали сидючи
Під небом на піску,
Чекали вітру ми
Під тиху музику
Дощу.
І піднімались сходами
Догори,
Де згарища іграшок
Не говори
З ними на згарищах.

Звездочет не верил небу.
Он читал по звездам ложь,
Он просил под дверью хлеба,
Мерил деревянный макинтош,
Считал шаги...

Так уж вышло

ЕШЬ 10

Так уж вышло, что кто-то положил стопку бумаги возле ксеркса и листы выезжающие из него задевают эту стопку. Копии кончиком задевают толпу копий. Получается звук похожий на щелчок.

Ксерокс обосновался возле моего стола, мне слышно каждый щелчок. За неделю я насчитал 1386 щелчков, а вчера сбился. Поэтому сегодня начинаю отсчет заново. Когда ты проделываешь одну и ту же работу в течении пяти лет, ты начинаешь слушать щелчки копий. Мозг не уделяет теперь должного внимания тому, что ты делаешь. Твоя работа аккуратно вложена в подсознание под графой «автоматизм», и ты начинаешь одновременно с этим делать другие операции. Кто-то напевает песню, кто-то мешает сахар в кофе, кто-то разговаривает по телефону, кто-то держит руку в кармане и массирует свой член, кто-то сидит в чатах, кто-то умирает. А я считаю щелчки копий, выходящих ровным строем из ксеркса и штабелем складывающихся одна на одну. Может, это просто копии. Может, это копии копий. Может, копии копий, снятых с копий, которые, в свою очередь, тоже сделаны с копий. Сейчас их лежит пятнадцать.

Так уж вышло, что уже не вспомнишь, кто первый надел черные туфли. Кто первый сделал себе макияж. Кто первый сказал «шняга». Кто первый написал на футболке «у меня большие сиськи» или «Пляжные персики». Кто первый надел галстук. Кто

первый застегнул рубашку на все пуговицы. Кто первый не срыгнул в присутствии других. Кто первый. Мы не помним, нам неизвестно. Нам неинтересно.

Когда копия выходит из ксеркса, происходит щелчок. Копии штабелем складываются одна на другую, и сейчас их лежит пятнадцать.

Так уж вышло, что под всеми этими копиями лежит моя дочь.

Так уж вышло, что сегодня мне удалось насчитать только десять щелчков. Насчитать больше не было возможности.

Когда здание начинает разваливаться, как карточный домик, очень далеко слышен грохот. Какофония звуков. Вылетающие под давлением стекла окон, треск камней, панелей, падающая офисная мебель, мониторы, чайники, ксерксы, копии. Сигнализации автомобилей. Перемотка назад – резкий, неожиданный взрыв. Кто-то печатает документ, неожиданный взрыв. Кто-то только проснулся, неожиданный взрыв. Кто-то едет в лифте, неожиданный взрыв. Кто-то через пять минут должен выйти на обед, чтобы приехать домой и покормить ребенка, неожиданный взрыв. Кто-то кого-то простил, неожиданный взрыв. Кто-то не хотел умирать, неожиданный взрыв. Перемотка вперед – крики людей. Стоны. Вопли. Орут, просят о помощи, булькают ртами, наполненными кровью. Может кому-то прямо в пасть залетел

кусочек чьей то руки. Или палец. Кто-то блюет. У кого-то уже опорожнились кишечник и мочевого пузыря. Какофония. Какофония эмоций, чувств, воспоминаний, звуков, мыслей.

Так уж вышло, что сегодня мне удалось насчитать только десять щелчков. Поэтому что этот сраный ксерокс, обугленный и полуразваленный, валялся на тротуаре, в компосте хлама из бывших офисных «нужностей» и куска чьей-то ноги. Если всмотреться в этот кусок, можно увидеть остаток татуировки – значит это ступня. Татуировка в виде пасти готовящейся заглотать пятку – значит это ступня Квист. Квист была секретаршей. Квист была на своем рабочем месте. Теперь Квист – обугленные мясные отбивные, костная мука, и куриные потроха. Теперь Квист везде.

А где теперь я? Честно сказать, не знаю. Если бы я и мог себя разглядеть или, допустим, поискать, поверьте, я бы этого не стал делать.

Когда ты долгое время занимаешься одной и той же работой, ты начинаешь замечать что-то еще, при этом не отвлекаясь от занятия.

Так уж вышло, что кто-то поставил пустую чашку на ксерокс. Ксерокс обосновался возле моего стола. Мне слышно каждый щелчок и видно каждую чашку которую могут туда поставить.

(ешь 11)

Влад Бережной

Так уж вышло, что на ксерокс поставили именно эту чашку. На ней было написано «Храни Господь Америку». Надпись толстым синим шрифтом, обрамленная звездочками, выдранными из Флага. Толстый шрифт, звездочки, «Храни Господь Америку», на пустой чашке, стоящей на ксероксе. На ксероксе, из которого выходят копии копий, снятые с копий, которые, в свою очередь, сделаны из копий. А под копиями лежит моя дочь. Можно было бы улыбнуться.

Так уж вышло, что улыбаться не хотелось, ксерокс выдает пьяные копии, и я успел насчитать только десять щелчков.

Человеческая память склонна к сарказму. Она проецирует вырезки воспоминаний на совершенно не ассоциируемые с ними вещи.

Первый щелчок, и я вспомнил все двери. Когда просовываешь ключ в замочную скважину и проворачиваешь его, получается звук. Когда снимаешь щеколду, или поворачиваешь ручку замка, получается звук. Щелчок.

Щелчок, и входная дверь в мой дом открыта. Щелчок, и можно сидеть в туалете после долгого трудового дня. Щелчок, и можно помыть руки после туалета. Щелчок. Щелчок, и моя дочь Лора улыбается мне со второго этажа, говорит «при-

вет, па! Как день?». Щелчок, и я роюсь в холодильнике: «Привет, юная леди. День как всегда никак». Щелчок, и шкафчик с кухонными приборами открыт: «па, ну может тебе нужно найти другую работу? Сколько можно зарабатывать геморрой на свою задницу, сидя на стуле?». Щелчок, и электрочайник работает: «Надеюсь это окупит моя страховка, когда я разобью свою машину. Что будешь на ужин?». Щелчок – Лора щелкнула пальцами, дурацкая привычка, от меня научилась: «Хватит так шутить, па! Извини, я сегодня не ужинаю дома. Мы с подружками договорились погулять. Сейчас уже убегаю!» Щелчок – я щелкнул пальцами: «Куда? Ты по какому часовому поясу живешь? Уже черт знает сколько времени!». Щелчок, и чайник закипел: «Я люблю тебя, па!.... ну мы же уже договорились! Мы не на лице! Мы в доме у Вэн! Тем более, у тебя есть ее номер телефона, ты можешь ей позвонить!». Щелчок – я так себе скоро пальцы сломаю: «ох.....мать будет тобой недовольна.... А я хреновый отец!..... Твоя задача добратсья до Вэн за пятнадцать минут! Через пятнадцать минут я буду ей звонить!». Щелчок.....нет, меткий чмок в мою щеку: «ты самый, самый, самый лучший папа во всем мире! Я уже бегу, еще не совсем темно!»

Можно было бы улыбнуться.

Так уж вышло, что улыбаться не хотелось, ксерокс выдает пьяные копии.

Второй щелчок пришелся на стук каблучков. Ее каблучки. Сэмми, ее смешная фамилия Огайо, и ее каблучки. Сначала самая лучшая женщина, которую я видел, потом постылая жена, теперь

самая лучшая женщина, которую я когда-либо видел. Говорят, ценишь то, что теряешь. Суки. Они правы на все сто процентов. Я знал, что мне будет завидовать все мои друзья, когда я им скажу: «смтрите, это Сэмми, моя девушка!». Знал это наперед, потому что иначе быть не могло! Она была великолепна, прекрасна, красива, просто мила, обаятельна. Говорил ей, что в ней есть все, о чем я мечтал. Говорил себе, что в ней есть все, о чем я мечтал. И каблучки ей очень шли. Всегда их носила. Любила их. Когда мы первый «настоящий» раз гуляли по парку, она держала меня за руку, было шумно – какой-то праздник. Я ни черта не слышал. Не слышал смеха детей, не слышал музыки, криков на аттракционах, выстрелов в тирах. Мой слух был всецело отдан стуку ее каблучков. Один раз она даже пихнула меня локтем под ребра и спросила: «ты меня слушаешь?». А я честно признался, что последние десять минут нет, потому, что у меня из головы не выходит стук ее каблучков. Думал, что разозлится, а она только рассмеялась и поцеловала меня в щеку, под ухом. Долгий влажный, наверное, от выпитого молочного коктейля, поцелуй, который длился где-то примерно..... надо вспомнить..... лет, эдак, миллиардов десять. Сказала: «может, хоть теперь ты будешь отвлечен от стука моих каблучков».

После этого случая каждый раз, когда мы встречались, она целовала меня в щеку, под ухом. Так я мог ее слушать. Но это не значит, что я не слышал стука ее каблучков.

(ешь 12)

Так уж вышло, что на пятой «настоящей» прогулке я ее спросил: «Ты выйдешь за меня? За раздолбая, который от тебя без ума?». А она ответила: «Я выйду за тебя! За раздолбая, от которого я без ума.»

Так уж вышло, что когда Сэмми убили, я уже не любил ее.

Так уж вышло, что когда мою жену убили, я не занимался с ней сексом уже год.

Так уж вышло, что следующие три щелчка копий из ксерокса пришлось на три выстрела пистолета, в руках озабоченного психа, который получил отказ в грубой форме. Три щелчка копий из ксерокса пришлось ей в живот, лобок и грудь.

Так уж вышло, что когда человек в синей форме говорит тебе «сэр, мне очень жаль, но.....», когда твоя дочь рыдает, упав на колени, когда ты знаешь, что твоя жена лежит в морге мертвым куском гниющего мяса, когда тебе надо ехать опознавать тело, ты не думаешь обо всем этом. Ты находишься в космосе неожиданности. В вакууме исчезнувших мыслей. То место в уме, которое минуту назад было наполнено желанием сделать себе бутерброд с ореховым маслом, пустеет. И пустеет настолько быстро, что не успевает заполниться новым. А от сказанного мозг начинает тормозить, потому что до конца не верит и долго обрабатывает информацию. Ты просто слышишь слова, щебетание птиц, хлопанье дверцы автомобиля, щелчок закипевшего чайника.

Может, пригласишь официера на чашечку чая?

А потом резко, как нож под ребра, тебя накрывает волна понимания. Мозг наконец-то доделал свою ра-

боту, анализировал, переварил и выдал наружу обильным куском дерьма. И все эти звуки, как будто из глубокого туннеля резко вырвались на свет, окружив тебя, осадив со всех сторон.

Все становится на свои места. Твоя жена мертва. Твоей жены уже нет. Твоя жена – вонючий кусок мяса. Твоя дочь рыдает сидя на полу. Твоя дочь блюет себе на колени. Твоя дочь орет, орет настолько сильно, что крик перешел в туберкулезный кашель. Твоей дочери больно, ее нервы сжимают внутренности. Твоя дочь блюет и орет настолько сильно, что по ее подбородку стекает сгусток крови вперемешку со слюной, слюной, желудочным соком и кусочками фруктового салата. Твоя жена мертвая лежит в морге. Твоя жена лежит в холодильнике. Твоя жена, как говяжьки вырезки, лежит в холодильнике. Твоя жена – вонючий кусок мяса. Твоя дочь рыдает, блюет и орет.

Твоя дочь вонзила ногти, во всю их длину, в свои плечи. Ты кусок дерьма. Твоя жена мертва. Ты сраный ублюдок. Твоя жена мертва. Ты не занимался с ней сексом уже год. Ты мерзкий предатель. Твоя жена мертва. Ты даже не сказал ей что любишь ее сегодня, и вчера, и позавчера, ты, блять, уже чертову кучу времени не говорил ей этого! Твоя жена мертва. Ты не любил ее, она надоела тебе. Доброе утро, хочешь блины на завтрак, а ты не слышал новость – твоя жена мертва. Твоя дочь лежит на полу с облеванными коленками, кровавой кашей вокруг рта, слюной, стекающей с уголка губ на пол. Она лежит и шепчет что-то, заикаясь и икая, периодически снова блюет кровью и снова

шепчет. Ее зажатые, как у молящихся, кулачки прижаты к груди. Офицер не выдержал и отвернулся в другую сторону изучить вырезанные узоры на входной двери. А твоя жена мертва. Ты ублюдок, ты не занимался с ней сексом уже год и не говорил, что любишь ее. А твоя жена мертва.

Так уж вышло, что твоя жена мертва.

Один гамбургер, три чашки кофе, рыбный салат, печенье «Райская Гавань» с кокосовой стружкой и три конфеты с шоколадной начинкой. Все это, не выдержав тяжести понимания действительности, выстреливает из тебя, как из пожарного шланга, и человек в форме теперь напоминает картину сюрреалиста шизофреника.

Так уж вышло, что твоя жена мертва.

«Сэр, мне очень жаль, но.....так уж вышло, что..... ваша жена мертва.....».

Моей дочери пришлось бы сказать об этом еще раз 100, начиная с Вэн, к которой она так и не пошла. Моей дочери пришлось бы сказать об этом еще раз 100, и каждый из этих раз вонзал бы в нее тонкую иглу шприца, с какой-нибудь ужасно болезненной жидкостью.

Моей дочери пришлось бы сказать об этом еще раз 100, если бы не пять щелчок копии из ксерокса.

(ешь 13)

Пятый щелчок – это ночной хлопок входной двери.

Лежишь на кровати, смотришь в потолок. Не можешь ни спать, ни бодрствовать, ни плакать, ни говорить, ни думать, ни ходить, ни писать, не можешь ни чего, ни одно дерьмо не лезет из тебя. Просто овощ. Просто монета, упавшая на кровать. Орел или решка? Решка..... сегодня решка. Сегодня решка и овощ – одно и то же. Растительность. Хоть горшок под задницу подкладывай. Но ни одно дерьмо не лезет из тебя.

Есть ли способ вернуться в нормальное состояние «дерьмоиспускания»? Есть. Услышать, как хлопает дверь, разрезая подушку тишины, которую любовно положил на лицо, чтобы сдохнуть, как говнюк.

Так уж вышло, что когда видишь распахнутыми дверь комнаты Лоры и входную дверь, сразу понимаешь, что в доме на одного человека стало меньше. На одну дочь стало меньше, больше дочерей у тебя нет, а значит, ты остался в доме один. Простая математическая задачка. Есть объект А и объект Б, объект Б исчез, итог – остался объект А. Объект А – это ты, говнюк, догадаться несложно.

И вот объект А в трусах, майке и тапочках выбегает на улицу и видит как его дочь уже села в его автомобиль, который сейчас заведет его ключами. Все его повернулось к нему задом.

Объект А в панике. Объект А напуган. Объект А рискует наложить в штаны. Объект А рискует наложить в штаны и потерять свою дочь.

Объект А слышит, как вовремя подоспел шестой щелчок из ксеркса – Стук закрывающейся дверцы автомобиля, звук мотора, клуб дыма из выхлопной трубы Моргнул, следы от колес, одна ваза разбита, одна валяется на боку.

За секунды, которые простоял не двигаясь вспомнил, что болят пальцы, которыми пытался схватиться за дверцу автомобиля. Но все его повернулось к нему задом.

Наблюдая за пустой чашкой с текстом «Храни Господь Америку», вспомнил, что болят пальцы, которыми пытался схватиться за дверцу автомобиля. Но все его повернулось к нему задом.

«Так уж вышло, что..... ну понимаете..... живешь себе, ни о чем не беспокоишься, и неожиданно все твое поворачивается к тебе задом..... сэр, мне очень жаль.....»

Ксерокс выдает копию за копией, складывая их ровным штабелем, под которым лежит моя дочь.

Седьмой щелчок – по ту сторону телефонной линии берут трубку. Они говорят «не беспокойтесь, с вашей дочерью все будет хорошо, мы уже посылаем поисковой отряд, и все патрули уже знают приметы..... извините, вы не могли бы повторить, какого цвета ваша машина?».

Это день?

Это ночь?

Я сплю?

Я проснулся?

Сколько человек вокруг меня? Или никого нет? Или это я вокруг себя?

«Сэр, у вас есть родствен-

ники? Или друзья, которые могли бы вам морально помочь? Сэр?»

Восьмой щелчок – ножницы.

Так уж вышло, что когда тебе постоянно задают вопросы, тебе хочется отрезать себе язык. Так ты не сможешь ответить. Так у окружающих будет повод не спрашивать. Когда в один день тебе говорят, что твою жену убили, что теперь она кусок замороженного мяса, что твоя дочь мертва, ты отрезаешь себе язык. Потом нажимаешь кнопку на сливном бачке и смотришь, как он булькает в унитаза, в кровавом пеннистом водовороте.

Ты смотришь в кровавый водоворот и видишь мертвую расстрелянную жену и мертвую изнасилованную дочь.

«Сэр, мне очень жаль..... ваша дочь..... ваша дочь..... она разбила машину в пол километре от дома – врезалась в сосну. Она выжила..... простите, как ее звали?»

Лора, это уже не важно.

«Лора вышла к ближайшему бару, это бар.....»

Это бар «Боб рад вас видеть», в который она пошла.....

Так уж вышло, что иногда можно увидеть, как в бар входит маленькая девушка лет семнадцати одна без родителей. Это бывает, когда у девушки обида на кого-то, или когда девушка поспорила с подружкой, что закажет выпивку, а подружка стоит снаружи. Это бывает, когда девушка поссорилась со всеми дома. Или когда у нее убили мать.

«Компания пьяных подростков, их было 15, они напоили ее и..... сэр, они ее изнасиловали..... износили до смерти..... мне очень жаль сэр.....»

(ешь 14)

Сколько?

«Все..... каждый.»

Все.

Каждый.

Девятый щелчок ксерокса – я вспомнил, как делать бомбу. Это несложно, если есть все для этого. Я знал это еще, когда учился на пятом курсе колледжа. Мы с ребятами просто из любопытства изучали подобные книги.....

Я вспомнил, как делать бомбу, когда стоял возле бара «Боб рад вас видеть». Под моими ногами лежал пирожок. Пирожок из моей дочери, Лоры, с начинкой из белых сгустков белка. Пирожок с порванным ртом, синяками, засохшими следами слез на глазах.

Девятый щелчок ксерокса – я вспомнил, как делать бомбу.

Так уж вышло, что на ксерокс, который обосновался возле моего стола, кто поставил чашку со звездочками и надписью «Храни Господь Америку». Из ксерокса появлялись копии

копий снятых с копий, которые, в свою очередь, тоже сделаны с копий.

Ксерокс, над которым вычислится «Храни Господь Америку», создает сраные копии. Сраные копии, под которыми лежит моя дочь, Лора.

Пятнадцать пьяных копий, и под ними лежит моя дочь, Лора.

По этому девятый щелчок пришелся на то, что я вспомнил, как делать бомбу.

Так уж вышло, что уже не вспомнишь, кто первый надел черные туфли. Кто первый сделал себе макияж. Кто первый предложил «а давайте изнасилуем Лору». Кто первый предположил, что надо убить Сэмми. Какая пуля первой вгрызлась в ее тело. Кто первый вспомнил, как делать бомбу. Кто первый изнасилывал Лору.

Десятый щелчок.....

Так уж вышло.....

Когда здание начинает разваливаться, как карточный домик, очень далеко слышен грохот.

Какофония звуков. Вылетающие под давлением стекла окон, треск камней, панелей, падающая офисная мебель, мониторы, чайники, ксероксы, копии. Сигнализации автомобилей.

Перемотка назад – резкий, неожиданный взрыв.

Перемотка вперед – крики людей. Стоны. Вопли. Орут, просят о помощи, булькают ртами наполненными кровью. Может кому-то прямо в пасть залетел кусок чьей-то руки. Или палец. Может это палец секретарши Квисти? Может это мой палец?

Теперь Квист – обугленные мясные отбивные, костная мука, и куриные потроха. Теперь Квист везде.

А где теперь я? Честно сказать не знаю. Если бы я и мог себя разглядеть или, допустим, поискать, поверьте, я бы не стал этого делать.

Сегодня решили провести опрос на тему днепропетровской современной литературы среди людей имеющих к ней отношение. Сложилось так, что о прозе и поэзии Днепропетровска в Украине слышно меньше, чем о литературе других таких же крупных региональных центров. Поставленный вопрос звучал так: почему днепропетровская литература не настолько масштабна, как в таких же больших региональных центрах, например: Харьков, Львов, Одесса?

Александр Разумный Поэт, журналист

Сама постановка вопроса спорная. Есть в городе достаточно известные авторы, которые и печатаются в Москве: Александр Твердохлеб (русский поэт), Виталий Старченко (украинский автор), Анатолий Шкляр. Периодически кто-то получает украинские и русские литературные премии. Говорить о масштабности можно, говоря об активностях. В днепропетровской литературе скрыта большая центробежная сила. Днепропетровские авторы есть и в Москве, и в Питере, и в Киеве. Рассеиваются они в силу разных причин. В Харькове есть Жадан, в Кривом Рогу появился Максим Кабир. Если в Днепропетровске появится кто-нибудь не только талантливый, таланта здесь недостаточно, здесь нужна еще и энергетика, то Днепропетровск сможет поспорить.

Максим Бородин Поэт-экспериментатор, организатор поэтических вечеров, редактор альманаха "СТЫХ"

г. Днепропетровск – город, в котором всегда было место трудовому подвигу героев-сталеваров, героев-президентов и героев-банкиров, а бедные поэты собирались по кухням и запивали свой горький хлеб холодной днепропетровской водой. Среда в которой мы живем влияет на нас, настраивает наш код на те или иные мысли и эмоции. Какой код города Днепропетровска? Возьмите карту того же Харькова или Львова и посмотрите на названия улиц и районов – это же поэмы, это слова-смыслы, слова-образы. А теперь возьмите карту города Днепропетровска: Сокол, Тополя, Победа, Строитель, Северный – тупо, прямолинейно и без воображения. Какие поэты могут родиться в таком городе – только президенты, банкиры и депутаты. Поэты не выплывают в таком интенсивном движении – их уносит ветром, как десятигривневую купюру, за которой облом и бежать обычному днепропетровцу.

Мне кажется, что Днепропетровск слишком прагматический город – город больших денег, больших политических амбиций и технической мысли. А литература стоит в стороне. Поэты есть, что происходит, но противопоставить культурной жизни Харькова, Львова нам пока нечего.

Александр Мухарев Поэт, литературный деятель, журналист. В разные время редактор таких изданий, как "Артикль", "Вольный лист", "СТЫХ".

- Днепропетровская лите-

ратура в советское время, как мне кажется, ничем не уступала в силе и яркости, другим областям Украины. Активно работал и намного лучше, чем сейчас местный Союз писателей, проводили семинары молодых писателей и т.п. Когда развалился Союз (мне было 15 лет), уже чувствовалось: Украина – осиротела, стала более провинциальной, потеряв семью – десяток республик на фоне которых выглядела весьма выгодно. А больше всего потерял от гибели СССР Днепропетровский регион, являвшийся поставщиком кадров для высшей власти в Москву, и прекрасной литературной базой всего Союза – Александр Кабаков, Александр Галич, Валерий Былинский, Линор Горалик, Александр Хургин, Виталий Амутных, Игорь Сид, Леонид Панасенко, Василий Головачёв, Дмитрий Десяттерик... Это лишь горстка фамилий, представляющих гордость нашего края. На Украине как-то проявить свою мощь, потенцию у русских литераторов (а к ним причисляю себя) охоты нет. Посему они бегут отсюда, кто в Москву, кто в Питер, кто в Германию, кто ещё дальше, – куда глаза глядят. И с чем Днепр остаётся? С коммерческим прозападным агентством "Вертеп", чья деятельность, на мой взгляд, приносит большой вред русской культуре и литературе (а она здесь – главенствующая, как бы ни врали националисты о чём-то другом). Если же в Днепропетровской области появится группа писателей (поэтов), ориентированная на современную русскую литературу – она сможет спасти ситуацию и вернуть "золотой век" словесности. Но, увы, рассчитывать в этом отно-

Лера Мальченко

шении не на кого. Только на себя и на чудо. Посему буду действовать в направлении пропаганды современной русской литературы на родной земле (родился и живу в Днепропетровске, пока не собираюсь уезжать) всеми доступными способами, ибо только за ней вижу будущее. Иначе Днепр просто пойдёт по стопам Львова и скоро забудет родной язык! Украинизируется и станет ещё более неинтересным, чем в настоящее время.

Симон Чёрный

Поэт, прозаик, журналист, пиар-менеджер

Харьков, Львов и Одесса исторически являлись культурными центрами Украины, со сформированными культурными слоями и традициями. Днепропетровск, захолустный уездный городишко Екатеринослав, где на улицах в грязь валялись свиньи, таким центром никогда не был. Главным культурным событием 19 века стал проезд через город поэта Пушкина. Всё. В конце 19 века город начал бурно развиваться, но опять-таки в сторону далекую от культуры, а уж тем более какой-то там мечтательности типа литературы: протянули чугунок и наставили заводов, которые лили сталь. Итого: сталь, рабочие, инженеры, купцы/промышленники, обыватели. Какая в жопу литература, мамочки вы мои? Объемы производства, норма прибыли, тёплое жильё и горячая еда - вот доминанты общественной жизни Екатеринослава того времени.

Двадцатый век и революция особых перемен не принесли - разве что всех малахольных, писавших купеческим женам стиши в альбомы, большевики или махновцы поставили к стенке, утверж-

дая гегемонию пролетариата. Потом была война, оккупация и эвакуация - вообще, город раз за разом защищался от мало-мальски талантливых людей, но ботва-то в том, что их и не было по определению - за исключением чудакватого старика Яворницкого, по недосмотру не шлепнутого ОГПУ в сладкие времена Ежова-Ягоды.

После войны в Днепропетровске появилась новая фишка - ракетный завод, и город, который и так был не фонтан, к чертям закрыли от внешнего мира, одновременно подтянув гайки до подходящих для оборонки значений. Не до литературы. Над городом воцарила романтическая парочка на крыше ДК Машиностроителей: жилистый рабочий, опираясь на молот, укаывая на трубы ЮМЗа, говорит растерявшейся и, по всему, уже всей в соплях, тургеневской было по несознательности бабе с дурацкой упаднической лирою в руках: "А там, сука, я ракеты делаем!" Вы полагаете, в таком городе буйным цветом расцветет литература???? С Лёлика Брежнева началось золотое время: Империей начал рулить днепропетровский клан. В Днепре стало больше свиных глазок и розовых восхитительных рыл - ах, апофеоз мракобесия! Воры в законе были, номенклатура была, рабочий класс был, литературы не было.

Новое время это просто пиздец. Промышленность благополучно растеклась по частным рукам, закрутилось бабло, в город ввезли дорогие тачки, как во всю западную европу. Пишущие, назовем их так, по бырику спилились или приткнулись по жирным конторам, лабая корпоративный пиар и плача по ночам над общими тетрадками в клеточку, исписанными

бисерным почерком.

Всё достижение за это время - Журнал НАШ.

Это-наше всё. Чем богаты, тем и рады.

Мои юные друзья! Днепропетровск - центр промышленности и бизнеса, но никак не литературы. Полно вам, мои хорошие, тешить себя прелестными мечтаниями о литературе. Готовьтесь служить в трех крупных корпорациях города, продвигая корпоративную культуру или едьте в Львов, Харьков, Одессу, Киев - там хороший клёв.

В днепропетровске же рыбы нет.

С чем я нас всех, несомненно талантливых, поздравляю.

С пламенным приветом, Симон Чорный.

Тимофій Хом'як директор "Мистецької Агенції" "Арт-Вертеп"

Дніпропетровськ певний час був в тому числі закритим містом. Нам потрібні хедлайнери. У Харкові є Жадан і ще з десяток людей. Завжди має бути движок, ватажок, який буде законодавцем моди. Взагалі думаю неправильно казати так. Де раз добре з літературою? В Дніпропетровську є література, в першу чергу поети. Їх треба розкручувати, а це вже залежить від наших ЗМІ. І у Харкові, і у Львові існує своя шкіла журналістики. В нашому місті журналісти досі не навчилися висвітлювати ці події.

Лера Мальченко

Дорослі мрії про дитячу казку

“Купуй своє, українське” – цей, можна сказати, кшталт давно став невід’ємним інгредієнтом лексикону українця. При чому пронасує він його частіше не у випадку здійснення подібного процесу, а скоріше як завершення життєвого анекдоту. Якщо ми самі маємо настільки “високу” самоповагу, то ж зовсім не дивно, що і сусіди бачать нас таким собі недалеким людом, як висловився колись Сергій Доренко, “пожирачами сала і горілки, котрі спілкуються дивакуватого російською мовою”. Запевняю: сала останнім часом не їмо – грошей не вистачає. Популярний і абсолютно неякісний бренд “українське” став своєрідним масовим “прокрустовим ложем”, вибачте за відверте висловлювання, набряком на державних сідницях. Проте ми, хохли (між іншим, хохол – це не тільки символічний оселедець, а ще й порода жайворонків), диво, але все-таки маємо, хоч і уповільнену, проте культуру, а в ній ... театр. Так, нашими державними символами давно вже стали хуторянські стереотипи: якщо жінка, то це неодмінно Руслана Писанка, якщо українцеві в Москві, то обов’язково провінційний бовдур. Так, на київських підмостках ми зображаємо Котляревського обідраним гультіпакою, танцюючим гопака. Але ж був Хвильовий,

який воював з “хохландією”, був Франко, що писав Україні “як люблю тебе з великої любові”, було “розстріляне відродження”, що навіть воліли спалити “Кобзар”, як розсіювач міфів. Отже, ми вміємо бути іншими. Ні, це не опозиція популярному новонародженому націонал-коханню. Це спроба ствердження того, що можемо бути і модерністами, символістами, і писати етюди, кольорові драми та ще й ставити їх на сцені.

Прийнято вважати, що рівень розвитку драматургії в країні віддзеркалює внутрішній стан нації. Іншими словами сцена – місце, де сходяться два вектори: держава і її культура. Згадуємо, початок ХХ століття, точніше театр авангардизму і Молодий театр Леся Курбаса. Це були перші спроби відкриття “вікна в Україну”, справжню – без москалів, хаток-білявок і галушок. А справа в тому, що на той час українцям вдалося нарешті самоідентифікуватися і зрозуміти: “окремність” – ось наша характерна риса, ми – не держава, ми – етнічна спільнота і саме ми підводимо ризик цього історичного етапу загальною епопеєю “Історія Русів”. Саме воно, “узальшення”, стане “зеленою вулицею” майбутньої драматургії і буття загалом, а дуже скоро з’явиться О.Ольесь і... “його дорога в казку”.

Дивно, але ми живемо у подібний до того час. Тільки

все це на тлі чотирнадцяти років. Початок дев’яностих, націоналізована політика уряду, результат – штучний потік в своїй більшості малоосвіченої “українщини”. Можливо, тому сьогодні, усвідомлюючи таку собі аморфність “цілісної” нації, починаємо тягтися до горизонтів протилежного полюсу. Можливо, тому ставимо у театрах Коцюбинського, Олесь, звертаємось не до бурлескної етнографії, а до глибшого – до психіки.

Казка . Суперечлива субстанція, що в асоціаціях дітей приймає форми омріяної країни, у дорослих же – почасти категорії несусвітньої дурниці. Отже, які ми, такі і наші думки. Мабуть, саме тому ці, здавалося б “примітивні” менші хомо сапієнси, почувують себе набагато комфортніше, аніж старші “розумники”. На жаль, нещодавно зрозуміла, що вже на рівні стереотипу сприймаю казку, як символ брехні. Потім сходило до “Віримо” і вирішила змінювати щось в собі. Постановка Олександра Олесь “По дорозі в казку” – не найкраща, але в чомусь надзвичайно сучасна і дидактична.

Ольесь займає досить хитке положення в літературі. Здається, він – такий собі посередник між традиціоналістським реалізмом і наступаючим модернізмом. “Зужиті кліше!” – кидає Зеро в рецензіях на поета. “Першорядний лірик” – судження Єфремова. Тож кому

Оля НЕГОДОВА

Сидячі в залі, краєм ока намагалася помітити, як ре-агувала на виставу аудиторія. Оцінка більшості, чи то від далеко не розкішних декорацій, чи від спроби дати свою оригінальну критичну оцінку, схилилася в бік негативу. При чому виражалось це, скажімо, "на лице". А стандартні репліки у стилі "погана гра акторів" роїлися після спектаклю у загалі. Проте...

Говорити про актуальність ідеї, мабуть, буде зайвим. "Що таке український народ і що чекає на нього?" – тема, яка останнім часом є чи не найголовнішою в суспільстві, особливо в обрaмленні річних політичних подій.

Дія в спектаклі не відрізняється насиченістю подій. Загублена громада в лісі. Герой, що береться вивести на товп до сонячної країни казки. Важка дорога, поразки. І ось уже король перестав бути королем, всі повертають до лісу. Фінал – казка поряд, але доходить туди один, об-

раний. Розуміти таку постановку в даний час можна порізно. Це і реквієм своєму народові, і заклик до відродження, і навіть своєрідний PR-хід.

Все таки не можемо зрозуміти людей, що посилаються на бездарність акторів. Вони якраз грали досить-таки відчайдушно, наскільки це можливо. Справа тут в самому митці. Загалом цей твір можна було б назвати "ескізом у олівці". Мінімум персонажів, декорацій, а головне - мови. Говорять, що бідність та стандартність мови - це докорінна проблема Олеса. Але занадто вона вже гармонійно вписалася в сучасний стан... планети. Так, так, саме планети. Полон одноманітності та загального кліше - це все звідти. Ми все більше глобалізуємося, стаємо "масою", синхронним механізмом, крок вліво-вправо – це приречення самого себе. До речі, це непогано проглядається однаковості костюмів акторів;

сплять всі на картоні. Крім того, в жодного немає ім'я – це одна риса сьогодення.

Життя зображене вповні. Головний тут, здається, не Він, не поводитир, а Юрба, що просто здичавіло дивиться на звичні квітки маку, що по-варварськи зриває корону володаря, що прагне лише задоволення своїх потреб. Сльози – це не природньо, це привід для насмішок і тільки. Ось воно єство людини і чи не є це імпульсом до погляду в себе? Казки дійти не кожному – певна річ. До речі, в даному випадку – не якийсь міфічний світ, а нормальне співіснування особистостей, не тіней.

Отже не такі ми вже й "сімейно-побутові", вміємо і поіншому, а якщо вміємо, то можливо, і знайдемо свою "дорогу до казки".

Недержание

О еде и прочей пище духовной **2**

Поэза и Прозаия

Оля Негодова **4**

Лера Мальченко **5**

Максим Брейтер **6**

Алла Грицай **7**

Анна Белоконь **8**

Леша Самойлов **9**

Влад Бережной **10**

Говориговору

Лера Мальченко
Опрос на тему днепропетровской
современной литературы **15**

Публицизм

Оля Негодова
“Дорослі мрії про дитячу казку” **17**

TOUKA

FARSH.DP@GMAIL.COM

TOUKA

